

DOI10.25991/AE.2020.34.1.006
УДК 82–32

О. В. Богданова, Г. В. Красильников

Богданова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена, email: olgabogdanova03@mail.ru

Красильников Григорий Владимирович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н. А. Некрасова «Карабиха», email: gvkrasilnikov@mail.ru

**АКСИОЛОГИЯ ОБРАЗА КРЕСТЬЯНИНА-ЛИЗОБЛЮДА В ПОЭМЕ
Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» (ГЛАВА «СЧАСТЛИВЫЕ»)***

В статье рассматривается образ крестьянина-слуги, созданный в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и поименованный автором ярко и образно «лизоблюдом». В работе ставится вопрос: насколько объективен был Некрасов, создавая характер преданного своему господину слуги? В статье проводится сопоставление с образами слуг в русской литературе XIX века и делается вывод о том, что Некрасов сознательно нарушает традицию русской «дворянской» литературы и в тенденции литературы демократического толка создает образ «раба» в комических и сатирических тонах, противопоставляя образ героям, например, А. С. Пушкина (Савельич в «Капитанской дочке») и И. А. Гончарова (Захар в «Обломове»), впоследствии подхваченный А. П. Чеховым (Фирс в «Вишневом саде»).

Ключевые слова: русская литература середины XIX века, Н. А. Некрасов, образ героя-слуги, традиция и новаторство.

O. V. Bogdanova, G. V. Krasil'nikov

AXIOLOGY OF THE IMAGE OF THE PEASANT-SYCOPHANT IN THE POEM BY N. NEKRASOV
“TO WHOM IN RUSSIA TO LIVE WELL” (CHAPTER “HAPPY”)

The article deals with the image of a peasant servant, created in the poem by N. Nekrasov “To whom in Russia to live well” and named by the author vividly and figuratively “sycophant”. The work raises the question: to what extent was the author objective, when created the character of a loyal servant to his master? The hero-sycophant is compared with the images of servants of Russian literature of the XIX century, and it is concluded that Nekrasov deliberately violates the tradition of Russian “noble” literature and in the trend of democratic literature created the image of a “slave” in comic and satirical tones, contrasting the image of the heroes, for example, by A. Pushkin (Savelich in “Captain’s daughter”) and I. Goncharov (Zakhar in “Oblomov”), subsequently picked up by A. Chekhov (Firs in “Cherry orchard”).

Keywords: Russian literature of the mid-XIX century, N. Nekrasov, the image of the hero-servant, tradition and innovation.

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» получила обширное освещение в современном литературоведении, породив десятки и сотни трудов классиков-некрасоведов. Среди них такие известные исследователи, как В. Е. Евгеньев-Максимов [1], В. А. Кошелев [2], Б. В. Мельгунов [5], Н. Н. Пайков [7], Ф. Я. Прийма [8], Н. Н. Скатов [9, 10], А. Ф. Тарасов [11].

Глава «Счастливые» — составляет одну из последних глав «Первой части» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877), самим Н. А. Некрасовым названной «эпосом крестьянской жизни». Сквозным вопросом, который задают себе семь странников-правдоискателей, отправившихся в дальнее странствие, и который пронизывает весь текст поэмы, как известно, становится вопрос «Кому живется хорошо, вольготно на Руси...» [6, с. 5]. Однако в поэме Некрасова возможными претендентами на звание «счастливец» становятся не крестьяне, не представители народа, а господа-«богатеи», помещики,

чиновники, служители церкви, вельможи. Не случайно, желая знать, кому живется хорошо на Руси, герои-крестьяне сразу и уверенно называют представителей состоятельных слоев общества —

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю... [6, с. 5]

Как не случайно и то, что в «Первой части» поэмы две персонализированные главы так и называются — «Поп» и «Помещик». В условной «второй части» появится и глава «Поседыш», связанная

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00272 «Н.А.Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

с образом помещика более высокого ранга — «вельможи», бывшего государева чиновника.

Между тем взыскующим странникам из деревень —

Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
<...>
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож [6, с. 5] —

искать счастливого человека среди героев-крестьян на ум не приходит. Но, создавая «энциклопедию» народно-крестьянского быта, Некрасов не мог обойти стороной образы «простых» людей — и в главе «Счастливые» пытливые странники (и автор) предпринимают попытку поискать счастливого среди крестьян большого богатого села Кузьминского. Семь странников-правдоискателей даже задумывают одарить счастливого (если таковой найдется) чаркой вина из волшебным образом даруемого героям спасенной птичкой-пеночкой ведра водки.

Однако если в главе «Поп» (и позже в главе «Помещик») Некрасов будет выдерживать стратегию объективно-нейтрального повествовательного тона, то в главе «Счастливые» предпринятая крестьянами-странниками попытка одарить чаркой вина счастливого из народа изначально и априорно представляется как бессмысленная, обреченная на неудачу и потому исходно эксплицируется автором как шутовская, явно иронизированная, насыщенная рядом комических мотивов и сатирических элементов.

По сути, каждый из тех крестьян, кто героями-странниками признан или не признан счастливым, счастливы и несчастливы в равной мере. Каждый достоин чарки вина и одновременно не достоин ее. Выбор и «судейство» странников в данном случае исключительно субъективно и полагается исключительно на их симпатии/антипатии. И если раньше — в случае с попом — герой сам приходил к оценочному заключению о собственной жизни, то в главе «Счастливые» право решения вопроса счастья закреплено исключительно за обладателями «ведра водки».

Уже первый, пожелавший испить вина, «дьячок уволенный», «тощий, как спичка серная» [6, с. 50], весьма мотивированно отказывается от понимания счастья как достатка. По его мнению,

<...> счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях [6, с. 50].

На вопрос «А в чем же?» герой отвечает мудро:

<...> В благоушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов! [6, с. 50]

Между тем подобный ответ практичных крестьян-судей не удовлетворяет.

Счастливая большим урожаем репы на небольшой грядке «старуха старая» тоже не вызывает у героев сочувствия:

Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали [6, с. 50],

между тем как баба была искренне счастлива невиданному урожаю.

Симпатию и расположение крестьян-судей заслуживает «солдат с медалями», который

<...> в двадцати сражениях
<...> был, а не убит! [6, с. 51]

«Счастье солдатское» [6, с. 49] располагает к себе слушателей, хотя, кажется, и в этом случае герою, израненному, нещадно «битому палками» [6, с. 50], можно было бы отказать. Поводом к чарке вина оказывается не столько счастье оставшегося в живых героя, сколько милосердное желание вознаградить его за увечья и раны.

Двойственность и недолговечность счастья простого человека продемонстрирована Некрасовым на парных персонажах — силачах, которые своей физической мощью были способны достичь почета и достатка.

Один из них — молодой молотобоец-каменотес, который живет «с женой» и «с матушкой», и который не знает нужды:

Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром! [6, с. 50]

Другой — в прошлом каменщик, теперь «человек-комар» [6, с. 52], простоватый детинушка, который поддался похвальбе подрядчика, работал «за четверых» [6, с. 52] и надорвался. Один из героев-двойников получает «счастливую» чарку, другой — нет.

На примере «сдвоенных» персонажей Некрасов-повествователь показывает, сколь переменчива человеческая судьба, а его крестьяне-слушатели останавливаются на понимании переменчивости счастья простого человека. Автору-повествователю ясно, что счастье относительно и не зависит от принадлежности к некоему социальному слою, крестьяне-странники по-прежнему надеются достичь абсолютного.

Центральная в главе «Счастливые» судьба Ермила Гирина поддерживает авторскую мысль об относительности всего сущего — кажется, счастливый Гирин, умный и грамотный, правдивый и добросердечный, пользующийся уважением и почетом мирян, уже почти заслуживший признание слушателей как счастливый человек, вдруг оказывается в остроге [6, с. 66]. Наивность и простосердечие

крестьян-странников все еще — даже на примере судьбы «счастливец» Гирина — не позволяют им осознать, что поиски тех, «кому живется счастливо, вольготно на Руси», пора остановить.

Однако в главе «Счастливые» — возвращаясь к проблеме традиций, воспринятых (или не воспринятых) Некрасовым — особого внимания заслуживает фрагмент о дворовом человеке князя Переметьева.

С точки зрения самого героя, он, несомненно, счастлив.

Я счастлив, видит Бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны... [6, с. 54]

Герой действительно набрасывает черты ситуации счастливой, знакомой по многим произведениям русской литературы первой трети XIX века — литературы дворянской.

Подругой-товаркой, советчицей и заступницей была Софье Фамусовой дворовая девка Лизанька (Лизонька) в пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Типологически близкая картина разворачивается в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка».

Доверенным лицом Аркаши Кирсанова была его добрая и мудрая крепостная нянька в «Отцах и детях» И. С. Тургенева.

Любимым и преданным «дядькой» был Петруше Гриневу старый Савельич в «Капитанской дочке», готовый пойти на виселицу, лишь бы в ситуации пугачевской смуты избавить любимого «дитятю» от лютой смерти.

Преданный Захар, после смерти Обломова оказавшийся на улице, отказывается от предложения Штольца жить в его имении только потому, что в Петербурге могила любимого барина преданного слуги.

Примеры подобного рода можно множить — в знаменитой пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» образ старого слуги Гаевых, Фирса, вбирает в себя черты типологически близких персонажей. И этот ряд может быть дополнен сценой из той же пьесы — с подростком Ермолаем Лопахиным, о разбитом носе которого позаботилась и «не побрезговала» молодая барыня Любовь Андреевна Раневская. Сомневаться в реалистичности подобных отношений между барями и крестьянами нельзя — история хранит немало примеров отказа крепостных крестьян от воли («несчастья», по словам Фирса) и желания остаться при господах навсегда (знаменательны слова пушкинской Арины Родионовны о ее «вечной» службе барыне).

Между тем на фоне этой мощной традиции Некрасов создает совершенно иной образ. Его дворовый человек — карикатурен, изображен даже не иронически, а сатирически и, как следствие, обличительно. Лексический ряд, к которому прибегает Некрасов при портретировании героя, оказывается характеристичным. Для акцентуации социальной роли героя автор использует не привычное и нейтральное слово «слуга» и «раба» (как ни странно, использованные самим дворовым). Вместо преданной службы акцент сделан на низком и жалком лизоблюдстве:

За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал... [6, с. 55]

Достоинством и достижением службы у барина некрасовский дворовый «раб» считает «болезнь благородную» [6, с. 55], подагру,

Какая только водится
У первых лиц в империи [6, с. 55].

Себя дворовый дерзко и открыто противопоставляет «мужичью» [6, с. 55], «сиволапам» [6, с. 303].

Дворовый изображен как глупый, жалкий, лишенный достоинства и самоуважения герой. Но, как уже было сказано ранее, среди крестьян были — и не мало — такие, которые искренне любили своих господ и пользовались их благодеяниями (вспомним даже в комедии Д. И. Фонвизина образ нянюшки Еремеевны, бесконечно любящей своего недостойного воспитанника-недоросля Митрофанушку). Некрасов переворачивает традицию Фонвизина и Пушкина, кардинально отталкивается от нее, создавая образ оглушенного презренного дворового, но делает это не на уровне смысловом, содержательном, правдоподобном, а на уровне поверхностном, стилевом, оценочном, отдавая дань демократической тенденции ведомого им повествования.

Намеренная тенденциозность образа дворового подчеркивается Некрасовым искусственно, намеренно даже после создания основного текста главы. Подобно тому как глава «Помещик» подвергалась снижающей и дискредитирующей персонаж последующей правке, так и фрагмент о дворовом был дополнен разоблачительными поздними вставками, которые в еще большей степени снижали и карикатурировали образ преданного «раба».

Как показывают наблюдения текстологов, приводимые в комментариях к собранию сочинений Некрасова, эпизод с воровством, приведенный в финале главы «Счастливые», первоначально не был связан с дворовым, а относился к иному образу. Но в окончательном варианте Некрасов слил воедино

но образ вора и образ дворового, обнажая тенденцию в изображении преданного помещику бывшего крепостного. Некрасову показалось мало того, что герой раб, лизоблюд — чтобы у читателя не оставалось сомнения в его низости, персонаж предстал еще и воровом.

У валика дорожного
 Секут лакея пьяного —
 Попался в воровстве!
 <...>
 «Вишь, побежал как встрепанный! —
 Шутили наши странники,
 Узнавши в нем балясника,
 Что хвастался какою-то
 Особенной болезнью
 От иностранных вин [6, с. 67].

В одном из вариантов наказания «лакея-подарика» становится ясно, что герой не только облизывал барские тарелки, допивал барские вина, но и носил барские обноски:

Так вот какой ты гусь!
 Давно ли счастьем хвастался,
 Ан глядь — секут счастливого,
 Спустив с него господские
 Светлейшие штаны! [6, с. 318]

На полях рукописи фрагмента о дворовом Некрасов делает уточняющую запись: «Лакей-подарик. Скоморошество» [6, с. 303]. Именно в стилистике скоморошества и переосмыслен образ преданного дворового, знакомый читателю по предшествующей литературной традиции. При этом органичности новый созданный Некрасовым образ не достигает — скорее заставляет усомниться в его художественной цельности и убедительности.

Реалистические образы Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева оказываются у Некрасова потесненными образами-сатирами в духе единомышленника и соратника сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. е. в новой традиции литературы разночинно-демократической, того самоопределяющегося крыла русской литературы, которое сформировалось к середине XIX века в демократически настроенной разночинной (по происхождению или по образу мысли) среде. О взаимных связях и традициях этих самостоятельных течений в русской литературе можно говорить только с большими уточнениями и оговорками — доминантный принцип их взаимоотношений суть неприятие и взаимоотталкивание. Говорить о традиции (прежде всего) Пушкина в творчестве Некрасова не верно, не научно — эти писатели задавали различные ракурсы литературной динамики, определяли разные ветви русской литературы, которые вели свое развитие параллельно, не взаимодействуя и не пересекаясь. Пример тому предложенные выше наблюдения над образом «счастливого» дворового, который выписал Некрасов. Априорно признаваемого единства в русской литературе, на-

чиная с сороковых годов XIX столетия, как можно утверждать, уже не было. О сохранении традиций русской литературы первой трети XIX века в середине столетия можно говорить, прежде всего, применительно к творчеству И. А. Гончарова и И. С. Тургенева, но далеко не Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Эти размышления заставляют поставить под сомнение объективность «эпоса крестьянской жизни», но всерьез задуматься о тенденции изности и субъективности писателя-демократа, проявившихся в том числе и в поэме «Кому на Руси жить хорошо». И одним из первых новый ракурс в осмыслении наследия Н. А. Некрасова в современном некрасоведении предложил московский исследователь М. С. Макеев [см.: 4, 5], на чьи работы сегодня нельзя не опираться, ведя исследование в стилистике «pro et contra».

Литература

1. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.; Л.: Наука, 1953. 282 с.
2. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: О великой поэме и вечной проблеме. В. Новгород: НовГУ, 1999. 165 с.
3. Макеев М. С. Николай Некрасов. Серия «ЖЗЛ». М.: Молодая гвардия, 2017. 463 с.
4. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. М.: Макс Пресс, 2009. 236 с.
5. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. 280 с.
6. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: В 15 т. / ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. Т. 2. Стихотворения 1855–1866 гг. / Подгот. текстов и комм. О. Б. Алексеева и др.; ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука, ЛО, 1981. 446 с.
7. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: Избр. статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
8. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература / АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1987. 264 с.
9. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: О творчестве Н. А. Некрасова. М.: Просвещение, 1985. 174 с.
10. Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели: Очерки. М.: Сов. Россия, 1986. 336 с.
11. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. 3-е изд., доп. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.